

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-2-8>

УДК 316.353

Attribution

cc by

ДЕВИАНТНЫЙ ХАРАКТЕР ТРЕШ-СТРИМИНГА КАК
ЦИФРОВОГО ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Лебедева М.Е.¹, Чимаров С.Ю.²

Санкт-Петербургский университет МВД России^{1,2}

<https://orcid.org/0000-0001-5058-2537>¹, <https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>²

Аннотация. Актуальность: многогранный характер тотальной цифровизации современного социума и присущие данному феномену артефакты как плод новых цифровых технологий, выступая в качестве маркера динамики научно-технического развития общества, вместе с тем, способствуют росту социального напряжения в общей системе социальной коммуникации, основу которого составляет девиантная по своей сущности модель социального взаимодействия, обращенная к тиражированию различного рода противоправных акций. Одним из элементов данной модели является «мусорный» способ конструирования взаимоотношений между личностью и персонажами, активно продвигающими в общество деструктивные по смыслу шаблоны поведения, эксплуатирующие популярные образцы низменной ипостаси массовой культуры. Указанное обстоятельство свидетельствует об актуальности более предметного проведения соответствующих исследований, ориентированных на девиантологический аспект социальных последствий треш-стриминга, технологии применения которого способствуют формированию особой ниши поведенческих моделей личности, в контексте ее «отрыва» от общепринятых и общественно-значимых способов социального бытия человека.

Цель: выявить сущностные особенности социальной девиации явления «треш-стриминг», в контексте трансляции соответствующих акций в прямом эфире, с использованием потенциала современной парадигмы мира цифровых технологий. Методы: в основу проведенного исследования определены такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция. Кроме того, применены эвристический и аксиологический методы познания, а также метод контент-анализа. Результаты: публикация содержит анализ концептуальных подходов современной научной мысли и некоторых экспертных оценок, в части осмысления социальной опасности коммуникационной технологии «треш-стриминг», основанной на трансграничном потенциале сети Интернет, являющейся атрибутом социальной жизни современного общества. Кроме того, представлена национальная модель российского законодательства, положения которого направлены на противодействие процессу треш-стриминга, наделенного несомненными признаками криминализации. Выводы и заключения: материалы данной публикации подчеркивают актуальность учета девиантного характера треш-стриминга и свидетельствуют о важности комплексного подхода к нейтрализации деструктивного влияния указанного явления на жизнь общества и личности.

Ключевые слова: социология, социальная жизнь, девиация, цифровые технологии, треш-стриминг, личность, низменность побуждений.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE DEVIANT NATURE OF TRASH STREAMING AS
THE DIGITAL PHENOMENON OF SOCIAL LIFE

Maria E. Lebedeva¹, Sergey Yu. Chimarov²

St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia^{1,2}

Abstract. Relevance: the multifaceted nature of the total digitalization of modern society and the artifacts inherent in this phenomenon as the fruit of new digital technologies, acting as a marker of the dynamics of scientific and technological development of society, at the same time contribute to the growth of social tension in the general system of social communication, which is based on a deviant model of social interaction aimed at replicating various kinds of illegal shares. One of the elements of this model is the «garbage» way of constructing relationships between a person and characters who actively promote destructive patterns of behavior into society, exploiting popular examples of the base hypostasis of mass culture. This circumstance indicates the relevance of conducting more substantive relevant research focused on the deviantological aspect of the social consequences of trash streaming, the technologies of which contribute to the formation of a special niche of behavioral models of personality, in the context of its «separation» from generally accepted and socially significant ways of human social existence.

Objective: to identify the essential features of the social deviation of the «trash streaming» phenomenon, in the context of broadcasting relevant actions live, using the potential of the modern paradigm of the digital technology world.

Methods: the research is based on such general scientific methods as analysis, synthesis, induction, deduction. In addition, heuristic and axiological methods of cognition, as well as the method of content analysis, are applied. Results: the publication contains an analysis of the conceptual approaches of modern scientific thought and some expert assessments regarding the understanding of the social danger of the «trash streaming» communication technology based on the cross-border potential of the Internet, which is an attribute of the social life of modern society. In addition, a national model of Russian legislation is presented, the provisions of which are aimed at countering the process of trash streaming, endowed with undoubted signs of criminalization. Conclusions and conclusions: the materials of this publication emphasize the relevance of taking into account the deviant nature of trash streaming and demonstrate the importance of an integrated approach to neutralizing the destructive influence of this phenomenon on the life of society and individuals.

Key words: sociology, social life, deviation, digital technologies, trash streaming, personality, baseness of motives.

Funding: Independent work.

Введение.

Абстрагируясь от истории различных вариаций массовой культуры, занимающей особое место в жизни социума, и учитывая контекст темы нашего исследования, представляется необходимым акцентировать внимание на феномене, общее определение которого презентовано как «треш-стриминг».

Соответствуя формату всеобщей коммерциализации обширного свода культурных ценностей и интегрируя в ткань своего культурного выражения явление «треш» (англ. «Trash» – «мусор», «хлам»), действующая парадигма «треш-стриминга» (англ. «Trash streaming» – «мусорный стриминг», «поточковая передача мусорных данных») тождественна модели художественных и/или развлекательных форм самовыражения, обладающих симбиозом предельно низкого культурного статуса и, вместе с тем, массовой привлекательности.

Демонстрируя насыщенность элементами провокации, трансгрессии, эпатажа, китча, табу и т.п., указанный вид привлекательности нацелен:

во-первых, на пренебрежение традициями общества;

во-вторых, на эксплуатацию наивности потребителя треш-стриминговой продукции;

в-третьих, на «уничтожение необразованного халтурщика, озабоченного в основном быстрым заработком» [1].

Наряду с отмеченным, треш-стриминговые деяния относятся к разряду явлений, которые согласно аксиологии уголовно-правовой теории подпадают под криминализацию.

В России подтверждением тому являются нормативные правовые установления:

во-первых, пункта 5 части 1 статьи 10.6 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ, касающейся особенностей распространения информации в социальных сетях [2];

во-вторых, части 12 статьи 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), закрепляющей понятие «треш-стрим» и вводящей штрафы за новый вид злоупотребления свободой массовой информации [3];

в-третьих, Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [4]. Исходя из новых поправок в

уголовное законодательство, организация онлайн-трансляции треш-стримингового характера, в случае совершения преступления признано обстоятельством, отягчающим наказание (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ) и квалифицирующим признаком для отдельных составов преступления (статьи 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 127.2 УК РФ).

К примеру, применительно к теме административного наказания, за трансляцию треш-видео, виновное лицо подвергается штрафу в размере: для граждан – от 50 000 до 100 000 рублей; для должностных лиц – от 100 000 до 200 000 руб.; для юридических лиц – от 800 000 до 1 млн. рублей. Кроме того, у нарушителей могут быть изъяты техника и соответствующее оборудование, используемое для создания треш-стрима.

По нашему мнению, отмеченные правовые новеллы подтверждают устойчивость вектора российского законодательства, в части признания девиантности трансляций в системе координат цифрового мира различных акций треш-стриминга и позиционирования данного явления в качестве цифрового феномена социальной жизни, требующего особого внимания к последствиям его негативного воздействия на общество и личность.

Обсуждение.

Исследуя социальные последствия треш-стриминга, следует отметить девиантный характер поведения акторов треш-процесса, популярность которого обусловлена особенностями потенциала цифрового пространства сети Интернет, позволяющими идеологам продвижения потокового контента и его потребителям оперативно, наглядно, а иногда и анонимно удовлетворять свои персональные потребности, как правило, диссонирующие с общепринятыми в конкретном обществе, и по форме своего выражения, являющиеся экстремальными.

Выявляя девиантный аспект треш-стриминга, некоторые ученые возводят отмеченную девиантность в разряд социальной патологии.

В данном случае, мы считаем небезынтересными рассуждения польских ученых-философов Б. Цирк и М. Пепелек. В соответствии с выводом указанных исследователей, польской академической науке при оценке социальных последствий треш-стриминга

уже свойственно употребление лексемы «патостриминг», а также ее двух форм: «патостримершик» и «патострим», англоязычными эквивалентами которых являются ранее отмеченные лексемы «мусорный стример» и «мусорный поток» [5, р. 448].

Согласно логике данных специалистов, не проводя различия между локальным термином «патостриминг» и глобальным – «трэш-стриминг» как отдельными понятиями, важно учитывать тот факт, что в польском языке приставка «пато-», употребляемая в сочетании с существительным «стрим», указывает на их патологический характер, в смысле социальной патологии. По нашему мнению, указанное пояснение в полной мере свойственно и российской социологической науке.

Апеллируя к социальному аспекту криминализации трэш-стрима, отечественные правоведы Ю.В. Грачева и С.В. Маликов обращают внимание на психологию указанного явления, выделяя при этом стремление личности к выбору линии поведения, основу которой составляет следующая триада мотивов:

- 1) раскрепощение человека;
- 2) ощущение безнаказанности;
- 3) стремление к контролю над ситуацией [6, с.

202].

Наряду с отмеченным, трэш-стримеры активно используют субкультуру видеохостинга «YouTube», слоган которого представлен выражением «транслируй себя сам», и ряда других Web-сервисов, получая при этом коммерческую выгоду за предельно наглядную трансляцию оскорблений личности конкретных людей. К примеру, подлинный смысл указанного слогана «YouTube» аналогичен следующему призыву пользователей данной цифровой платформы: «Делись с другими частичками своей жизни, раздвигая при этом границы дозволенного».

Признавая маргинальный характер трэш-стриминга как нового жанра формируемой цифровой культуры, признаками которой выступают мультимодальность и перформативность трэш-стримов, а также иллюзорность персонального участия акторов стримингового онлайн-процесса, мы замечаем:

во-первых, тождественность отмеченного феномена линзе, позволяющей более отчетливо оценить фрагменты базовых ценностей цифровой культуры первой четверти XXI в.;

во-вторых, интегрирование сцен насилия и иных сценариев девиантного поведения в процесс товарообмена, при котором ключевая роль принадлежит эмоциям личности, выступающим в качестве побуждающего фактора активности сторонников трэш-стриминга в построении транзакционной схемы онлайн-отношений, на коммерческой основе;

в-третьих, утверждение в сознании трэш-стриминговой аудитории особой эстетики отношений, характерной для современной практики фандома (англ. «fandom» – «поклонники»), наполненного тематическим контентом радикализации межличностных отношений между пользователями сети Интернет.

Обращая особое внимание на феномен потоковой передачи информации «мусорного характера» посредством цифрового обмена и социальную опасность отмеченного явления, мы однозначно усматриваем преступные замыслы и корреспондирующие им деяния организаторов трэш-вечеринок, в ходе которых обретают популярность идеи физического и/или сексуального насилия, а также словесного оскорбления. В случае блокирования на стриминговых платформах «YouTube», «Twitch» и других основных каналов трэш-стримеров, последние, во избежание «бана» (англ. «ban» – «запрещать»), имеют возможность продвижения эксклюзивного контента резервным способом, в частности, через такой мессенджер, как «Telegram» или иные файлообменные сервисы.

Признавая изощренность путей обхода корпорацией онлайн-вещателей суть стримеров требований действующего закона, некоторые представители экспертного сообщества предлагают:

во-первых, вариант принудительной регистрации стримеров как организаторов прямого эфира, в качестве индивидуальных предпринимателей с последующей их обязанностью платить налоги с получаемого дохода;

во-вторых, существенное «наращивание» полномочий полиции в части более эффективного отслеживания деятельности стримеров и своевременного выявления их общественно-опасной деятельности [7].

Анализ генезиса и последующей эволюции трэш-стриминга как феномена цифрового мира и массового явления современного периода интегрирования цифровых технологий в практику социальной коммуникации, свидетельствует о начале активного появления в первое десятилетие XXI в. трэш-стриминга как онлайн-тренда на отмеченных стриминговых платформах «YouTube» и «Twitch». При этом трэш-стримеры как источники маргинальных акцидентных артефактов из области игровой видео-индустрии, преимущественно представлены геймерами (англ. «game» – «игра»), профессионально сформированными в ходе трансляций видеоигр и переместившимися на бесцензурной основе в экосистему «YouTube» после испытаний на фоне перманентных запретов на платформе «Twitch».

Важно отметить, что генерация нового импульса интереса Интернет-аудитории к трэш-стриминговой продукции как варианту развлечения, исторически обусловлена фактом распространения пандемии «COVID-19». Впрочем, отмеченная пандемия как поветрие вообще, способствовала переходу на более высокий уровень применения цифрового способа общения в различных сферах жизни современного социума.

По нашему мнению, очередной всплеск трэш-стримингового интереса также обусловлен действием кумулятивного эффекта, сводимого к интеграции отдельных зрителей, испытывающих состояние одиночества, и стримеров, нуждающихся в эмоциональной и/или финансовой поддержке своих трэш-акций.

Социальным последствием действия данной кумуляции выступает сформированность особой общности пользователей сети Интернет, в значительной степени подверженных организации своего досуга за счет получения удовольствия от просмотра аудиовизуальных сцен насилия и иных экстремальных актов, а также погружения в состояние вуайеризма, входящего в номинацию сексуальной девиации.

Как нам представляется, в основе отмеченных явлений несомненно лежит психическое расстройство личности, относящееся к области социальной девиации индивида. Наиболее ярким выражением отмеченного психического расстройства является демонстрируемая треш-стримерами жестокость, как морально-психологическое свойство личности, выражаемое в антигуманном (грубом, оскорбительном, агрессивном, и т.п.) отношении авторов треш-сцен к другим людям.

Что касается поклонников мусорного контента, то одним из мотивов их участия в отмеченных зрелищах может служить факт пребывания некоторых из них ранее в состоянии жертвы насильственных действий и/или унижения. При этом факт испытания в ходе треш-стриминговых акций ощущения того, что бывшие жертвы не одиноки в своих прежних страданиях, позволяют последним получить необходимую эмоциональную компенсацию. Достижение аудиторией определенного уровня эйфории от наблюдения в ходе треш-стримингового представления за страданиями жертвы и экзальтацией ее мучителя обусловлено:

во-первых, принижением масштаба ранее полученного травматического опыта;

во-вторых, обретением восторженного чувства от страдания другого человека;

в-третьих, безопасным просмотром наблюдаемой картины и возможностью выброса новой порции адреналина.

Как нам представляется, «живучесть» и способность треш-стриминга к трансграничному продвижению, даже при режиме жестких санкций национального законодательства, обусловлены:

во-первых, глобализацией отмеченного явления, способствующей: ужесточению конкуренции между самими треш-стримерами и насыщению их технологической обоймы инновационными приемами продвижения своих акций, которые, в целях повышения их конкурентоспособности, требуют более изощренных шагов радикальной направленности;

во-вторых, непреходящей тягой к проведению в социуме прямых трансляций, в процессе которых происходит реализация участия индивида в цифровой жизни общества.

Данное обстоятельство приемлемо как для стримеров, так и для широкой аудитории. Существенным также является соответствие исследуемого феномена «духу» всеобъемлющей коммерциализации медиа-сферы, важным атрибутом которой выступает, используемое стримерами потоковое вещание с его прямой опорой на современные технологии цифрового обмена. Что касается доли коммерции в процессе треш-

стриминга, то о ее ведущей роли в указанном стриминге свидетельствует научная работа «Насилие по требованию: коммерциализация цифрового насилия в потоковом трэше», автором которой является польско-американский ученый М. Войтина[8].

Согласно констатации данного специалиста, презентуя радикально жестокий, странный и трансгрессивный контент, стримеры любыми способами привлекают внимание зрителей, прививая им иллюзорное чувство своей самостоятельности. При этом целеполагание их стриминговой деятельности заключается в том, чтобы заручиться финансовой поддержкой со стороны поклонников и получить репутационные выгоды. Как следует из размышлений отмеченного автора, процесс треш-стриминга содержит перформативные аспекты онлайн-трансляции, демонстрируя при этом, что «насилие – это не просто событие, представленное на экране, но и перформативный продукт режимов власти, которые устанавливаются между авторами и аудиторией» [8, р. 49].

Таким образом, акцентируя внимание на девиантных паттернах поведения личности, погруженной в процесс треш-стримингового вещания на специализированных цифровых платформах, мы однозначно квалифицируем контент продвигаемых при этом сюжетов в качестве социально-опасного, блокирование которого требует опережающих действий со стороны государства, при его опоре на современную инфраструктуру цифровых способов по оперативному и тотальному выявлению противоправной треш-стриминговой продукции, сочетаемых с эффективным применением необходимых технических средств, алгоритмы функционирования которых позволяют создавать надежные барьеры на пути различных устремлений корпорации треш-стримеров.

Выходя за пределы традиционного восприятия пагубных последствий треш-стриминга, сопряженного с различными видами насилия, особого внимания заслуживает работа по адекватной оценке треш-стриминга, в ходе которого осуществляется демонстративное цифровое вещание различного рода казней и подобных им акций, совершаемых боевиками экстремистских и террористических организаций, в том числе на религиозной или националистической основе.

Наследуя тактические приемы средневековых казней противников своей веры и/или традиций, современные приверженцы трансформации общества и поведения индивида в контексте их реинкарнации, суть перевоплощения в свое прежнее состояние, полны решимости вернуть общество и личность до уровня их примитивного состояния, при котором верховная власть будет принадлежать идеологам религиозных или националистических учений экстремистского толка.

Добиваясь в интересах достижения своих деструктивных целей порождения в обществе хаоса, паники и состояния ужаса, проповедники указанных разрушительных идей активным образом задействуют ар-

сенал цифровых приемов, с целью формирования соответствующего массива треш-стримингового вещания на потенциальную аудиторию.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет заключить следующее:

1. Динамичный по характеру и необратимый по вектору своей перманентной трансформации, современный мир цифровых технологий установил, как данность факт устойчивого обращения общества к достижениям этого мира. Указанная трансформация находит свое воплощение в новых реалиях глобального общества, основанного на Интернете и сопутствующего ему массиву социальных сетей, цифровых платформ, видео-хостингов, видео-стриминговых сервисов, месенджеров, и т.п.

Указанное свидетельствует об актуальности нового осмысления феномена цифровой социальной жизни, с акцентом не только на достоинствах этого феномена, но и с уточнением новых угроз и вызовов, тающихся в недрах цифрового мира. Данный тезис непосредственно обращен, в том числе к области стриминга, одновременно являющегося процессом прямой трансляции как одной из популярных форм потребления контента в социальных сетях, основанного на технологии потокового вещания и обеспечивающего прямой доступ к мировым новостям, а также способствующего формированию онлайн-сообществ и нового отряда поклонников стриминга, включая его треш-варианты.

2. Современный мир цифровых технологий, создавая приемлемые условия для перевода всей системы информационной коммуникации на принципиально новые основы, не утратил прежнего признака аналоговых технологий, метафорично именуемого в качестве «двуликого Януса». Указанное обстоятельство позволяет признать действующую модель экстремального и эпатажного, а во многих случаях - угрожающего личности и обществу такого явления, как треш-стриминг в качестве негативной и потенциально опасной формы коммуникации, проявляемой в процессе онлайн-трансляции различного рода видео-контента, несомненно, имеющего девиантный характер, по отношению к действующим в обществе морали и нормам права.

3. Понимая под треш-стримингом феномен расширения границ всего того, что считается законным, безопасным и нравственным, следует обратить особое внимание на циркулирующую в ходе цифрового онлайн-обмена треш-стриминговой информации, преследующей целью продвижения которой выступает получение репутационных предпочтений и коммерческой выгоды для стримеров посредством задействования ими «грязных» технологий по оскорблению достоинства человека, демонстративному пренебрежению интересами общества, а также - совершению откровенно хулиганских действий и прочих низменных проявлений, квалифицируемых в качестве девиантных.

4. Фактор публичного продвижения посредством современных цифровых технологий различных вариантов треш-стриминга соизмерим с целенаправленным воздействием по подрыву традиционных устоев российского общества и посягательством на психическое здоровье личности и ее нравственность.

Указанное обстоятельство:

во-первых, несомненно предопределяет общественную опасность акций треш-стриминга;

во-вторых, свидетельствует об очевидно девиантном поведении участников треш-стримингового процесса;

в-третьих, заслуживает общественного осуждения и соответствующей квалификации отмеченных деяний, в части адекватного применения к нарушителям мер административной и уголовной ответственности.

5. Признавая несомненную значимость формирования у граждан правовой культуры и определенную действенность принимаемых мер правового характера, направленных на противодействие деструктивному проявлению треш-стриминга, важно понимать природу полной непреодолимости отмеченного стримингового феномена, что, в принципе, тождественно невозможности тотального запрета на продвижение в сознание общества и личности, к примеру, фейковых новостей. Вместе с тем, очевидным для нас является обстоятельство, сводимое к непреходящему значению формирования в общественном сознании и сознании личности каждого человека негативных последствий треш-стриминга, способствующего деградации общества и личности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Вербицкий М.С. Против культуры. URL: https://royallib.com/read/verbitskiy_misha/protiv_kulturi.html#0 (дата обращения: 29.12.2024).
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС КонсультантПлюс
3. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс

4. Федеральный закон от 08.08. 2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

5. Cyrek B., Popiolek M. *Trash streaming: Characteristics and methodological guidelines* // *Arts & Cultural Studies Review*. – 2022. – Issue 3 (53). – S. 445-458.

6. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // *Актуальные проблемы российского права*. – 2021. – Т. 16. – № 6(127). – С. 202-210.

7. Malavika P. «Trash streaming» is a disturbing YouTube subculture where streamers get paid to broadcast abuse // *Сайт «Screenshot»*. Jun 7, 2021. URL: <https://screenshot-media.com/culture/internet-culture/trash-streaming-subculture/> (дата обращения: 04.01.2025).

8. Wojtyna M. *Violence on Demand: Commodification of Digital Violence in Trash Streaming* // *Storyworlds: A Journal of Narrative Studies*. – 2021. – Volume 13. – Number 1. – Pp. 49-78.

References:

1. Verbitskiy M.S. *Protiv kul'tury*. URL: https://royallib.com/read/verbitskiy_misha/protiv_kulturi.html#0 (дата обращения: 29.12.2024).

2. *Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2025)* // *SPS Konsul'tantPlyus*

3. *Federal'nyj zakon ot 8 avgusta 2024 g. № 217-FZ «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah»* // *SPS Konsul'tantPlyus*

4. *Federal'nyj zakon ot 08.08. 2024 № 218-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii»* // *SPS Konsul'tantPlyus*

5. Cyrek B., Popiolek M. *Trash streaming: Characteristics and methodological guidelines* // *Arts & Cultural Studies Review*. – 2022. – Issue 3 (53). – S. 445-458.

6. Gracheva YU.V., Malikov S.V. *Tresh-strim: social'naya obuslovlennost' kriminalizacii* // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. – 2021. – Т. 16. – № 6(127). – С. 202-210.

7. Malavika P. «Trash streaming» is a disturbing YouTube subculture where streamers get paid to broadcast abuse // *Сайт «Screenshot»*. Jun 7, 2021. <https://screenshot-media.com/culture/internet-culture/trash-streaming-subculture/> (дата обращения: 04.01.2025).

8. Wojtyna M. *Violence on Demand: Commodification of Digital Violence in Trash Streaming* // *Storyworlds: A Journal of Narrative Studies*. – 2021. – Volume 13. – Number 1. – Pp. 49-78.

Информация об авторах:

Лебедева Мария Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: mlebedeva030@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-5058-2537

Чимаров Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: serg120756@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-8323-6953

Maria E. Lebedeva, candidate of psychological sciences, senior lecturer at the department of internal affairs in special conditions, St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sergey Yu. Chimarov, doctor of historical sciences, professor, professor of the department of personnel management and educational work, St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.01.2024;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.02.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.